

ЗВЕЗДА НАД АЯНКОЙ

везли фельдшера Екатерину Кузьминичну Захарову. В другое время эта поездка заняла бы около не-

«АЯНКУ НЕ УЗНАТЬ. Нынче здесь центральная усадьба совхоза «Полярная звезда». Одних двухквартирных домов свыше восьмидесяти. Около села — аэродром, двухэтажная гостиница и службы ГВФ. В общественных учреждениях, школе, детсаде-яслях, клубе — водяное отопление. Одним словом, это крупный современный поселок.

В селе 8 тракторов, 5 грузовых машин, самоходные баржи, водометный катер, две электростанции, мехмастерская».

Так пишет мне Григорий Иванович Долган.

ЧИТАЮ, радуюсь. И в моей памяти живо встает юртовое стойбище Аянка, каким оно было даже три десятка лет назад. Преду мною проходят старые и молодые лица — все мои 26 учеников, первые мои аянские ученики. Самым маленьким из них был Гриша Долган.

Вижу дымные, холодные юрты, разбросанные в беспорядке по берегу протоки, ощущаю специфический запах стойбища. Мысленно захожу в ветхую юрту Ивана Делянского. Вокруг полупогасшего очага — взрослые и дети. В котле варится юкола. Хозяева засуетились. Им хочется угостить меня, но нет даже чаю. Не много богаче и в юрте Павла Хабарова, Николая и Афанасия Делянских, Прокопия Уягана. Только от очага Павла Осиповича Долгана вместе с дымком поднимается аромат свежей оленины.

И вот эти люди, жизнь которых проходила в непрерывном кочевье, в борьбе с нуждой и голодом, перешли на оседлый образ жизни, организовали артель по совместному выпасу оленей. Артель получила тогда название «Полярная звезда».

В общественном стаде насчитывалось всего 740 оленей. Не густо для двадцати звенских семей, которым олень давал все: кровлю, одежду, обувь, пищу, служил транспортом. Но это был единственный выход.

На голом месте создавался поселок. Первой появилась школа. Это была пятистенная избушка. Класс с тремя маленькими оконцами, квартира учителя. Разрубленную на двое железную бочку приспособили под печь. Парты заменили длинными столами и скамейками, сколоченными из тесаных тополевых плах. Мебель эта немилосердно скрипела и, не-

смотря на самое благоговейное отношение к ней учеников, часто разваливалась, требовала ремонта. Но найти лишний гвоздь в Аянке было невозможно.

Школа стала центром всей культурной жизни звенов. Днем занимались дети, подростки, вечером — все взрослое население. Школу посещали охотно, учились с большим прилежанием, старательно. Более послушных и внимательных учеников мне больше не доводилось встречать.

Одновременно со школой было заложено 7 домиков. Но жить в них никто не осмеливался. Правда, вскоре в одном из них поселился молодой, энергичный звен, приехавший из Паланы, Феофан Ильич Солодяков. Он владел русским языком, знал несколько северных языков, имел образование 6 классов. Заслуги его неоспоримы в развитии культуры села. Я и поныне благодарен ему за помощь.

В это время велась большая работа среди чукчей, которые кочевали где-то по реке Омолону. К ним ездила специальная делегация, возглавляемая Ф. И. Солодяковым. Чукчи согласились на объединение, стали постепенно подкочевывать. Они еще были далеко, когда в Аянку с полномочиями приехал один работник облфо. В горячке он настаивал на немедленном раскулачивании более или менее зажиточных чукчей. Пришлось пережить немало неприятных минут, чтобы не допустить опрометчивых действий, которые могли испортить дело.

К счастью, все обошлось благополучно. Чукчи влились в артель. Общественное стадо после весеннего отела сразу выросло более чем в десять раз. Теперь уже смелее можно было браться за дело.

Инициаторами артельной жизни были Павел Ильич и Павел Константинович Долганы, Дмитрий Прокопьевич Уяган, Анастасия Хабарова и другие. Вступившие в артель чукчи Иныр, Нейкевев, Эльо, Рольтыгиргин, Вачакай, Хутили, Чери были знатоками оленеводства. Чудесные, добросовестные люди, большие труженики, они с удивительным вниманием относились к каждому артельному оленю, как, вероятно, никогда не относились к своим табунам.

Распрей между звенами и чукчами никогда не было. Это была единая трудовая семья.

Осенью 1940 года всем стало ясно, что построенная школа уже в 1941 году не сможет даже при двухсменных занятиях принять всех учеников. Предстояло строить новую. Но как вывезти лес? Ездовых собак не было. Транспортировать на оленях? Помню, на собрании граждан всеми уважаемая А. П. Хабарова предложила перетаскать бревна по льду. Так лес доставили на строительную площадку. Работали все: и мужчины, и женщины. Новый 1941—42 учебный год начали в новом здании.

Звенья, которые никогда не держали в руках плотницких и столярных инструментов, за все брались с охотой и осваивали новое дело. Павел Уяган, Мартын Долган, Павел Долган, по сути дела, — первостроители Аянки.

Но далеко не все шло гладко. Только стала забываться трагическая гибель первого председателя артели Павла Ильича Долгана, как новый удар... Эпидемия гриппа.

Я собрал всех школьников из юрт в школу. Нужно было немедленно дать знать о беде, хотя бы в Слаутное, попросить помощи. Написал два письма, одно парторгу совхоза Евгении Михайловне Красновой, другое — заведующей больницей врачу Валентине Михайловне Злобиной. Описал все подробно.

Но кого послать нарочным? Обошел все юрты — здоровых нет. Я дороги не знал, да и оставлять больных детей не имел права. Да и сам, кажется, захворал.

В отчаянии написал третье письмо, в котором просил в случае моей смерти захоронить останки в Пенжине (к счастью, это письмо так никто и не читал, никто не узнал о моем малодушии).

Вторично обошел юрты. Ехать согласились Кирик и Петр Долганы. Они еще держались на ногах. Крепче их никого не было.

А грипп свирепствовал. Холодные юрты не могли уберечь больных от осложнений. Но, к счастью, на третьи сутки вернулись нарочные и при-

дели.

А еще спустя два дня приехала из Хабаровска врач Валентина Семеновна Иванова, потом из Анадыря через Марково и Пенжино — врач Виктор Петрович Отмахов. В невероятно трудных условиях шла борьба за жизнь каждого человека. Приезд русских врачей, их самоотверженная работа навсегда сроднили чукчей и звенов с русскими. Это была самая действенная агитация за новую жизнь.

Медленно поправлялись обессиленные люди, но какой благодарностью светились их лица. Все поняли, что они не одиноки, что у них есть надежные сильные друзья. Но среди выздоравливающих не было ни Кирика, ни Петра Долганов. Совершив свой подвиг ради спасения других, они не смогли противостоять болезни.

Аянка росла. Появились новоселы. В селе зазвучала русская речь, украинские песни. В домах загорелась керосиновая лампа. Появилась баня, столярная мастерская. К обеду в домах стали подавать борщ и замечательные отбивные из оленины с картофельным пюре.

За три года хозяйство артели окрепло. Новая жизнь утвердилась прочно и навсегда.

О том, как изменились, «выросли» северяне, можно судить на примере жизни Григория Ивановича Долгана. Круглый сирота, он после средней школы окончил педагогический институт, затем высшую партийную школу. Такое возможно только в нашей стране, где восторжествовали грандиозные свершения Великого Октября.

...Я представляю нынешнюю Аянку. Электрический свет, радио. Вижу веселые лица ее жителей. И радуюсь.

П. ХМЕЛЬК.

Бывший учитель Аянской начальной школы.